

Вадим Черников

**ПОМОРСКИЙ СКАЗ. Про море
Студеное, про войну Великую, да
про то, как Севостьян и Северьян
Мангазею-страну искали**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.6
ББК 84(2)6
Ч49

Черников В. В.

ПОМОРСКИЙ СКАЗ. Про море Студеное, про войну Великую,
да про то, как Севостьян и Северьян Мангазею-страну искали /
В. В. Черников — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2019. — 74
с.

ISBN 978-5-5320-9566-3

Память о прекрасной северной стране Мангазее-прообразе земного
рая- хранится и передается в сказах поморов сотни лет. Однако для многих
она- лишь страна сказочных богатств, где земля усыпана драгоценными
каменьями. Много охотников за наживой сгинуло в Студеном море, так и
не найдя несметных сокровищ. Так и не поняв, что сказочная Мангазея
сама найдет тебя. Если прожить свою жизнь так, как Северьян Кондратов.

В оформлении обложки использована фотография с сайта <https://www.pexels.com/ru-ru/> по лицензии ССО

ПРОЛОГ

Весной 2000 года вахтенный одного из российских сухогрузов, шедших по Карскому морю караваном из Певека в Мурманск закричал и указал направо. Моряки десятка судов с изумлением увидели удивительную картину: из моря, бесшумно и величественно, вставал остров. Небольшой, метров двести – привычно отметили намётанные глаза моряков. Древние постройки, колоннады, разрушенные дороги и улицы, по которым с шумом стекали потоки грязной воды, видели сотни моряков. Остров всплыл и показался им во всём великолепии, сияя жёлтыми бликами среди розового утра. О том, чтобы подойти поближе, капитаны даже не думали. И правильно: через несколько минут остров вздрогнул и погрузился обратно в морскую пучину.

По прибытии в Мурманск все моряки каравана были опрошены специальной комиссией. Показания сходились до мелочей. Всплывающий остров Карского моря стал реальностью. Только никто не знал, когда ждать следующего его появления.

Полутьма в вагоне, тепло, да сквозит, по ногам гуляет холод. Светят жёлтыми язычками пара закопчённых керосинок. Меж досками пола посвистывает ветерок. Надышали люди, накурили, а кто и перекусить успел, не вытерпел до станции. Быстро ели что-то, закрывая рукавами от взглядов соседских, нарочито не замечая чьего-то завистливого кряхтения, хмыканья да громкого глотания липкой, голодной слюны. К утру поезд должен был прийти в Архангельск-город и вагон постепенно пустел людьми, да наполнялся северным, поморским, окающим говором. Кто-то ехал в сам город, к «трескоедам», как шутя называли архангелогородцев жители окрестных сёл, кому-то выходить было раньше, на бесчисленных полустанках и разъездах Беломорья. Пахло угольным дымом, махрой, вяленой треской, луком и перегаром, но всё перешибал селёдочный неистребимый дух. Раньше её в этих краях ели иногда, свежую, основное только скоту и толкли, а теперь и сами рады любой, хоть ржавой. Зима шла на убыль, но в середине марта ещё

сыпала снежком и прихватывала ночным морозцем. Народ ехал разный, в основном усталые женщины, серьёзные, негромкие дети, степенные старики, вёрткие старушки, несколько подозрительных на вид и на запах мужичков, да пара солдат-инвалидов в старых телогрейках и с тощими вещмешками.

Не считая ещё двух интересных персонажей. Один тихо дремал в темноте, негромко похрапывая и постанывая. Второй был на виду. На откидной полке у окна разместился мужчина лет тридцати -а может, и больше-, весь в чёрном. Чёрные форменные брюки были заправлены в короткие сапоги. На плечи накинут чёрный новенький полушубок. Чёрная флотская шапка с якорем лежала перед ним на хлипком столике. В распахнутый ворот тужурки была видна тельняшка в чёрно-белую полосу и мощная, длинная шея. Под ногами моряка стоял один туго набитый вещмешок, а на второй он опирался локтем. Два чёрных валенка, вдетых один в другой, были воткнуты между мощным его туловом и грязным, с трещиной от угла до угла вагонным стеклом. Серо-стальные глаза моряка глядели на всё спокойно и умиротворённо. Всё подмечали. Длинные, похожие на ласты нерпы кисти его высывались из рукавов и белели – розовели старыми и свежими шрамами-рубцами. Ещё один начинался от правого виска и чертил свой неровный след вверх, теряясь где-то под шапкой русских, тронутых сединой на висках волос.

Моряк ехал долго, попутчики его менялись на каждой станции и полустанке, но ни с кем он не разговаривал, лишь смотрел по сторонам и впитывал, казалось, новую для себя жизнь, кипевшую вокруг него в ползущем по военной стране вагоне. Смотрел днём, а по ночам, пряча руки за шапкой, читал-перечитывал, шевеля губами беззвучно, листы в крупную линейку, сворачивая их обратно в треугольники, вставляя конец в клапан и пряча куда-то глубоко, под сердце. С каждой сотней километров, приближающих его к дому, лицо его всё светлело, становилось будто бы благороднее и наливалось мужской, глубокой и мощной красотой. Женщины, натываясь на спокойный, не раздевающий, а ласкающий его взгляд, теплели, вспоминали и заливались румянцем. Не стыдным румянцем, выдающим их тайные -да что там тайного-то! – у кого месяцы, а

у кого и годы уже проходили без мужской ласки— желания, а вспыхивали, осознавая себя вновь женщинами, тихо любовались мужчиной и вспоминали, мечтали... И выходили — лёгкие, молодые, желанные — на своих станциях и полустанках и пропадали снова в пучине своих забот, тревог, дел... Вновь взваливая на свои тёплые и одинокие плечи дом, детей, работу, планы, обязательства. Вновь шли спасать страну своим сердцем, любовью, терпением. Глушить делами своё воющее в ночи одиночество, мокрые от слёз подушки да искусанные простыни. И ждать, ждать своих... Обмирая и умирая каждый раз, когда вдоль улицы шла принимавшая на себя всё женщина-почтальон -мужики не выдерживали-, у которой уже не было ни слов, ни сил утешения для тех, кому приносила она, одну за одной, похоронки. Вой женский бил ей в спину, подгонял, как вихрь, и всё быстрее убегала она вдоль домов, вдоль улиц, чтобы не слышать ничего, оглохнуть на время.

Вой стоял и стон по всей огромной стране, третий год сражающейся в страшной войне и начинающей ломать хребет — позвонок за позвонок — проклятому врагу. Но у многих женщин ещё оставалась надежда. Не только похоронки приходили, ломая жизни о колено, но и живые птицы-треугольники нёс, кружил пахнущий фронтовым победным дымком ветер в светлевшие радостными женскими следами дома. Для таких моряк был живым примером того, что невеликое их счастье возможно. Возможно! Только надо ждать. Всех их провожал взгляд моряка, дававший им надежду на что-то неясное, уже неупомненное, но светлое, высокое...

Молодой, грустный парень без ноги положил подбородок на костыль, с которым он пока ещё не научился дружить. Деревянный его с некоторых пор «товарищ» то и дело скользил в разные стороны, и парень зло ставил его на место, ища в полу вагона какую-нибудь выбоину. Весёлый, пьяненький, с пустым правым рукавом пожилой солдат поначалу теребил попутчика и коллегу по несчастью, предлагая выпить чего-то мутного, доставаемого периодически и неловко из-за пазухи. Пожилой, видать, был правой и тоже только привыкал к своей второй, не родной и единственной теперь руке. Зато морально он, в отличие от молодого, свыкся со своим

состоянием и положением. Без руки жить было вполне можно. И без ноги тоже, – покровительственно кивнул он молодому, – вот без головы нельзя, брат... Парень на этот раз выверился на него серьёз и послал так далеко, что однорукий оптимист уважительно кивнул и, ничуть не обидевшись, закурил, а потом прислонился к дощатой стенке и мгновенно уснул. Голова его тряслась в такт колёсам, а общипанные седые усы топорщились самодовольно в разные стороны. Молодой облегчённо вздохнул и снова впал в свои тяжёлые думы.

Поезд несколько раз тряхнуло, дёрнуло с лязгом и скрипом где-то внизу, под полом. От последнего толчка телогрейка однорукого распахнулась и тускло блеснули на левой стороне неожиданно чистенькой гимнастёрки, выдававшей старого солдата, три тяжёлые медали. Одна из них – «За отвагу» – была ещё старого образца, на красной прямоугольной колодке, ставшей теперь буро-ржавого цвета. На правой были аккуратно нашиты пять планок, отмечавших ранения. Три красного цвета за лёгкие. Две желтые. Тяжёлые. Молодой вздохнул ещё горше, сокрушённо, коря себя за грубость. Запахнул телогрейку пожилого правой рукой и прихватил её на пуговицу. Потом подложил тому под голову шапку. Пожилой тут же съехал вместе с шапкой ему на плечо и блаженно всхрапнул. Одноногий кивнул головой и как-то посветлел лицом. Оглядел свою выцветшую гимнастёрку с одиноким значком «Гвардия» и тоже свесил русую голову на костыль, который нашёл-таки ямку в полу и встал крепко.

Полился из угла поморский говор: мальчик лет семи просил мать сказать о Голоменом царе. Та отказывалась, устало отмахиваясь рукою и поддерживая на коленях голову маленькой спящей девочки. Мальчик терпеливо вздохнул, но сидящая напротив кряжистая старушка только кивнула и начала нараспев сказывать, окая и ставя ударения там, где им вроде бы совсем не место:

– Голоменной цярь. Вокоторы-то давношны леты, унёсло во пылко морьско голомё коць с Кулояна. Било морё их цетвёры воды, а на третьёй-от день тиха пала, погодьё. Омалтаписсе кулояна, гленули – тако лосо намори, вода кротка, одаль держит луда, а серётка луды трои полохола сидят – шолнцё, ветёр да мороз. Цюют кулояна,

котора идёт: которой из полохол большак намори? Увидали трои полохола кулоян-от, ко луды коць потташили, оприколили, кричат: «Сказывайте держит, которой меж нама самой могутной на мори? Которого нарецёте, тот из нас на голомёно царьсво настанёт». Кулояна недолго меж собою поредили, да и ответ дёржат: «Вы фсетрои могутны, абольшак оту вас один – ветер. Он и йесь голоменной царь». Тут мороз осердилсся, пал на кулоян – хотел застудить-заморозить. А ветёр говорит им: «Не бойтиссё, я дуть не стану, дак мороз без ветру не порато морозлив». Не стал дуть ветёр – мороз окротел, пошшипал-пошшипал, да и оступилсся от кулоян. А тут шолнцё взъерилоссе, стало жгать да жарить. А ветёр опять затёшшат: «Не бойтиссё, я подую, дак с ветерём-от шолнцё не порато жарит». Пал ветёр на лосо морё – шолнцё и оступилоссе. Тут вода сполнилассе, оттулило коць от каменной луды, поднели яна на поветёр парус, да скорёхонько ко дому-то и добежали. А ветёр-от и взаболь на мори держит е фсех – он-от над фсема вёрхову держит.

Царь морских просторов. Однажды, давным-давно, унесло в бурное открытое море судно (коч) с кулойцами (жителями с. Кулой). Носило их по морю двое суток, а на третий день наступило затишье, погода улучшилась. Кулойцы пришли в себя, огляделись – на море штиль, вода не всколыхнется, неподалеку каменная отмель, а посреди нее сидят три чудища – Солнце, Ветер и Мороз. Услыхали кулойцы, что спор идет – кто из чудищ на море главный. Увидали три чудища кулойцев, подтащили их судно к отмели, причалили его и кричат: «Говорите скорее, кто из нас самый сильный на море? Кого назовете, тот на морских просторах царем станет». Кулойцы посовещались и отвечают: «Все вы трое сильные. Но самый главный среди вас ветер. Он и является царем морских просторов». Тут мороз рассердился, набросился на кулойцев, хотел их застудить, заморозить. Но ветер говорит им: «Не бойтесь, я дуть перестану, а мороз без ветра не очень сильно морозит». Не стал дуть ветер, мороз уменьшился, ошшипал-пошшипал и оставил кулойцев в покое. Тогда солнце взъерилось, стало жечь и припекать кулойцев. А ветер опять их успокаивает: «Не бойтесь, я подую, а с ветром солнце не сильно припекает». Поднялся ветер на море, солнце и отступило. Тут

начался прилив и судно стало относить от каменистой отмели. Подняли кулойцы парус и с попутным ветром быстро доплыли домой. С тех пор ветер на море действительно сильнее всех – он над всеми властью имеет.

Мальчик вежливо кивнул, старушка ответила и тут же прикрыла мутные глаза, давая понять, что на сегодня сказы кончились. Парнишка понял и усталился в окно, видимо, переживая рассказ и обдумывая некоторые подробности.

Откуда-то сбоку, из темноты, зашипел сиплый мужской голос. Невидимый доселе пассажир проснулся. И решил выразить мнение в том, что только что слышанный им сказ старуха рассказала на неведомом языке, напоминавшем сор во рту. Не понять даже – русские или нет, мол. Старушка приоткрыла глаза, увидела того, кому принадлежит голос, отметила и снова задремала, не удостоив того ответом. Мальчишка посуровел, искал поддержки у взрослых, но мать спала, а бабушка делала вид, и он снова отвернулся к окну. Не встречая отпора, голос осмелел, и из угла высунулась какая-то лисья, вытянутая мордочка – лицо мужчины лет пятидесяти. Он мелко, интеллигентски озирался по сторонам, готовясь нырнуть обратно в темень, но опасности, кажется, не было. Потому он потребовал ответа о принадлежности языка. Старушка открыла глаза и ожгла его ледяным-синим, разъяснив, что язык этот зовётся поморска говОря. Искони на ём они... Мужчина понял, разочаровался, махнул рукой – почвы для научного диспута не намечалось, подытожил: мол, бабы байки это.

Неожиданно скоренько разогнулась женщина, потёрла щёку, на которой лежала, стрельнула зелёными молниями глаз, а за нею уже выглядывал серьёзный сын. Женщина сердито оборвала мужчину, разъяснив ему, что они не бабы, а жонки. А бабами-то сваи забивают. Мужчина на несколько секунд опешил, неожиданно рассмеялся и стал похож на обыкновенного учителя. Заторопился, разъясняя, что он и есть учитель русского, едет из эвакуации в Архангельск по разнарядке, наткнулся на взгляд моряка, извинился и пропал в полумраке. Старушка промолвила, мол, ничё, и всё вновь улеглось, лишь

учитель что-то шептал, запоминая и постигая изначальные устои далёкой поморской земли, куда его направили из Куйбышева, где он всех понимал и его все тоже понимали или хотя бы делали вид.

Захлопали гулко двери в конце вагона, следом за звуками раздался тихий подсвист, и трое мужичков мигом испарились из вагона вслед за «свистуном», стоявшим в тамбуре на шухере. Неслышной гурьбой ушли они в начало поезда, тихо прикрывая за собою двери. Вовремя, потому что в другом конце вагона появился милицейский наряд: сержант и ефрейтор в добротных, синего сукна шинелях и новеньких скрипучих ремнях. Младший светил небольшим фонариком, оба смотрели на пассажиров – один тревожным и нарочито внимательным, а второй просто намётанным взглядом. Сержант, судя по всему, проводил практическое занятие со своим напарником: он шёл сзади, изредка указывая ефрейтору на его оплошности тем, что останавливался перед незамеченной в углу подозрительной личностью и негромко требовал предъявить документы.

Ефрейтор то и дело вынужден был конфузливо возвращаться и светить старшему фонариком. После чего тот разрешал - можете следовать! – ехать и пара снова двигалась по вагону. Дойдя до моряка, ефрейтор решил проявить бдительность первым и навис над ним всё с тем же требованием предъявить документы. Сержант молча остановился за ним, внутренне посмеиваясь над молодым, но авторитета власти терять было нельзя. Поддержал его и одновременно снова подучил-подначил, козырнув и представившись сержантом Евсеевым. Моряк перевёл спокойный взгляд на ефрейтора, и тот тоже представился, оказавшись ефрейтором Смирновым, неловко переложив при этом фонарь из правой руки в левую. Луч жёлтого света запрыгал по стенам и потолку, осветив заинтересованные лица инвалидов. Пожилой, как ни в чём не бывало, уже сидел прямоенько, смотрел живыми глазами, а молодой лишь поднял взгляд, так и не отняв подбородок от становившегося всё более удобным костыля. В поморской семье теперь спала только дочка. Неожиданное приключение доставило всем приятное любопытство, столь нужное в долгой дороге. Расшевелить молчаливого морячка милиция всё-таки может.